

ники до салата и не любят никакой зелени. Роскбиф и бифстекс есть обыкновенная их пища, от того густеет в них кровь; от того делаются они *флегматиками, меланхоликами* и нередко самоубийцами» (том III, стр. 200). Парикмахеры их чрезвычайно скучны и грубы: «Увы! я уже не в Париже, — восклицает он, — где кисть искусного, веселого Ролета, подобно Зефиру, навела на мою голову белейший ароматный иней!» (том III, стр. 213).

Сверх того климат даже и над самим господином Карамзиным начинает действовать. Он сам себя находит умствующим; но сие, говорит он, извинительно и должно относиться к действию воздуха, которым дышали Невтон, Локк и Гоббес (там же, стр. 215). Однако же к утешению себя в таковой беде, между прочим, встречает он прекрасных малюток: «все маленькие Эмили и Софьи!», — также слепого нищего с собакою, которая умела по чертам лица угадывать, и несколько песенщиков, подавших ему случай поплакать. Впрочем, господин Карамзин гораздо меньше других путешественников зависит от внешних обстоятельств; ибо он *щастлив*, когда после всех дневных трудов, ночью может опять взглянуть на свой «*милый чемодан*» (том III, стр. 218). Он возвращается в Россию Бальтийским морем и, приближаясь к берегам оною, предается безмерной радости.

Книга сия сочинена на немецком языке,²⁴ и нам не показалось, чтоб переводчик²⁵ украсил много сочинителя. Таким образом, нет обыкновения на восточной стороне канала св. Георгия «*заходящему солнцу поклоняться*» (том I, стр. 52).²⁶ Но мы опасаемся, что некоторых выражений, в той же книге, не можно отнести насчет переводчика. Например, *головная боль в сердце*,²⁷ на которую господин Карамзин так слезно жалуется (том II, стр. 116), и удивление его, что со времени революции *нищие и бродяги* (там же, стр. 209) не хотят работать.

Последнее замечание писателя сего кажется нам весьма справедливо: сказав, что письма его суть верное зеркало души, мыслей и мечтаний его, он спрашивает: «Есть ли что человеку любезнее, как заниматься самим собою? Может быть, и другие найдут нечто приятное в моих начертаниях; может быть, и другие...». Не спорю, но пусть будут его их утехи, а не мои. Буало говорит: *rien n'est beau que le urai, le urai sent est aimable.*

Перевел с англинского Михайло Шулеников.

²⁴ По-видимому, в немецком переводе не означено, что оный есть перевод с русского языка, или господин Англичанин не справился хорошенько.

²⁵ Здесь, конечно, разумеется об англинском переводчике.

²⁶ В англинском сказано: *to hail the Setting sun.* Я не мог отыскать, к какому месту подлинника сие относится.

²⁷ *the headach in his heart.* Неизвестно мне, так ли точно в подлиннике сказано.